

Глава 80. Ну и что, что храмовая проститутка? (16)

Поначалу Дрейтон не заметил ничего странного.

Тянуть время было частью его плана, поэтому он немного постарался вежливо водить Самира аль-Мактума за нос, делая вид, что и вправду готов принять сотрудничество от имени Федерации.

— ...Такие обещания не дают с бухты-барахты. Но если вы действительно способны «стабилизировать» ситуацию, мы, разумеется, можем рассмотреть поддержку подходящего союзника.

Самир ничуть не удивился:

— Похоже, по крайней мере сама идея вас не отталкивает.

— Дело не в том, что она меня отталкивает, а в чисто практических вопросах, — Дрейтон, постепенно возвращаясь к привычной роли, заговорил типичным бюрократическим тоном, не подтверждая ничего, но и не отказывая прямо. — Вы сами знаете, сколько во внутренних структурах Федерации разных фракций. Далеко не всем понравится мысль пробовать что-то новое.

— А если я заставлю их согласиться? — в голосе Самира звучала полная уверенность. — Чёрный песок способен обеспечить бесперебойную работу любой страны, а моё влияние может принести государствам пустыни стабильность... или хаос. Я могу стать для Федерации лучшим другом.

Эх. Именно из-за таких людей слово «друг» и теряет всякую цену.

Дрейтон нарочно позволил себе лёгкую тень раздражения:

— Говорить красивые слова может кто угодно, господин аль-Мактум. Мне нужны реальные доказательства. Покажите мне, что именно Чёрный песок даёт стабильность, порядок и управляемое влияние. Если вы всего лишь нефтяной магнат, то ничем не отличаетесь от остальных.

Чем обычнее человек, тем сильнее он жаждет быть не таким, как все.

Самир аль-Мактум не выносил посредственности. Всё, что он делал, было попыткой доказать: в нём действительно есть нечто превосходящее остальных. Возможно, это тоже было связано с его семьёй. Он родился в одной из дальних ветвей рода аль-Мактум, который когда-то входил в число королевских домов одной из стран Ближнего Востока. В прошлом веке, во время борьбы за власть, эту ветвь постепенно оттеснили на обочину, и в конце концов она превратилась в аристократическую линию без реального влияния. Его отец, Мухаммед аль-Мактум, тоже принадлежал к малозначимой побочной ветви. В молодости, пользуясь остатками семейного влияния, он занимал второстепенный пост в правительстве, но времена изменились, влияние постепенно сошло на нет, и в итоге он попытался пробиться в бизнесе, занявшись мелкой торговлей нефтью.

Мать Самира, Фатима, была дочерью семьи традиционных купцов. Она происходила из богатого дома, но не имела аристократической крови. В деловом мире она была женщиной хваткой, однако внутри семьи на неё всё равно смотрели как на чужую, поэтому Самир с детства занимал неловкое положение и годами оставался фигурой на обочине, которую никто

не замечал.

Стоило Дрейтону увидеть его семейную историю, как он сразу понял: в основе натуры Самира лежат и высокомерие, и чувство неполноценности. Он презирал обычных людей, но среди тех аристократов, кого считал равными себе по происхождению, не смел поднять головы. Поэтому, при всей своей жажде власти, он оставался боязливым, осторожным до мелочности и чрезвычайно чувствительным к авторитету.

Федеральное правительство как раз и было частью того зловещего авторитета, перед которым он преклонялся. В разговоре с Самиром у Дрейтона имелось преимущество. Нефтяной магнат будет из всех сил доказывать ему собственную ценность, лишь бы войти в этот круг.

И действительно, Самир закурил сигару, сделал несколько затяжек и медленно произнёс:

— Я могу показать вам результаты действия Чёрного песка.

Дрейтон слегка напрягся.

Здесь находился крупнейший верблюжий ипподром в окрестностях Дубая, на трибунах сидели десятки тысяч зрителей. Если Чёрный песок окажется чем-то вроде зомби-вируса, то уже завтра на Земле можно будет разыгрывать или биокатастрофу, или Третью мировую.

Самир был безумцем.

Но Дрейтон, не меняясь в лице, по-прежнему держал руку на бокале и спросил:

— И как именно?

Это был встречный прощупывающий ход. Продемонстрированные им холодность и самообладание соответствовали представлению Самира о человеке более высокого ранга. Тот удовлетворённо улыбнулся и заговорил ещё дружелюбнее:

— Не беспокойтесь о потере контроля. Я заранее предусмотрел все возможные риски. Вам нужно только смотреть.

Увы, это заверение лишь подняло уровень тревоги Дрейтона ещё выше. Он уже начал прикидывать, не связаться ли с ближайшим федеральным гарнизоном. Совсем недалеко отсюда находилась авиабаза, где размещались несколько тысяч федеральных солдат. Если под предлогом обеспечения безопасности федеральной стороны, к примеру его самого, удастся в течение трёх часов выдернуть небольшой отряд спецназа службы безопасности, это, конечно, будет перебором, но всё же лучше, чем потеря контроля...

Тут Самир добавил:

— В качестве последней линии защиты я нанял частную военную компанию, сформированную бывшими бойцами федерального спецназа.

Я предугадал, что вы это предугадаете.

Дрейтон скрестил руки на груди, откинулся на мягкую спинку кресла, а внутри у него на миг поднялась настоящая буря.

Чем серьёзнее меры безопасности, тем масштабнее должно быть то, что Самир собирается устроить. Он нанял почти что частную армию. Что он вообще собирается делать дальше?

Ответ на этот вопрос пришёл очень скоро.

...

В час двадцать дня, неподалёку от горного массива Чёрной Скалы, примерно в семидесяти километрах к юго-востоку от верблюжьего ипподрома, несколько инженеров с севера, обливаясь потом под палящим солнцем, проверяли водопровод, снабжавший водой одну из стран Залива.

Небо было ясным, без единого облака, песчаная буря не намечалась. Этот день ничем не отличался от прочих рабочих дней. Разве что на этот раз подземный трубопровод, игравший важную роль в трансграничной подаче воды, слегка засорился. Самый опытный из старших инженеров решил, что где-то на одном из изгибов трубы скопились отложения, поэтому они собирались поочерёдно проверить скорость потока в технических люках, определить участок, где вода идёт медленнее всего, а затем прочистить засор.

Но молодым инженерам работать особенно не хотелось. От жары они обливались потом и пребывали в нервном, полусонном состоянии. Вода, льющаяся из люка, выглядела так прохладно и заманчиво, что они прятались в тени, отбрасываемой толстой трубой, и соревновались, кто сумеет поймать струю ртом, не намочив щёки.

И тут всё изменилось.

Один молодой инженер, повернув голову набок, с улыбкой смотрел на выпускное отверстие, широко раскрыв рот, и вдруг заметил, что скорость потока над ним становится всё ниже и ниже. Затем прозрачная вода начала темнеть, превращаясь в густую, тяжёлую чёрную жидкость. Когда стало ясно, что эта вязкая неизвестная дрянь вот-вот попадёт ему в рот, он резко выпрямился, пошатнулся, отступил на несколько шагов и, заикаясь, спросил у старшего инженера, который уже бежал к нему в ярости:

— Что это за штука...?

Едва эти слова прозвучали, как чёрная жидкость у отверстия в мгновение ока снова стала чистой водой. Зато вдали послышался свист пуль, вылетающих из винтовочных стволов.

Выстрелы постепенно участились. Несколько инженеров оцепенело стояли возле трубы, глядя, как в пустыне к северу поднимается столб серой пыли.

Только совсем уж идиот решил бы, что это праздничный салют.

Что, вот так просто война началась?

Откуда вообще взялась война?

Дрейтону это тоже казалось немыслимым. Произошло самое нелепое из возможного. Буквально полчаса назад Самир заявил, что при помощи беспилотников и противотанковых ракет взял под контроль водопровод одной из стран Залива. Спецподразделение этой страны отреагировало быстро, но при попытке приблизиться к зоне боевых действий попало в засаду «движущихся трупов», в результате чего число потерь исчислялось десятками.

Когда это известие пришло, Самир аль-Мактум, сидя на ипподроме и весь сияя от воодушевления, сказал Дрейтону:

— Вы хотите порядка? Позвольте показать вам порядок под молотом.

Слишком многое в происходящем не складывалось. Например, местное правительство славилось нейтральной внешней политикой, и уже одно молчаливое допущение вооружённых формирований к деятельности на границе серьёзно било бы по его международной репутации. Или ещё: военная стоимость того, что затеял Самир, была слишком высокой, и мирно свернуть такую авантюру было бы почти невозможно...

Но Самир всё равно это сделал.

Его жажда раздулась так, что весь ход событий выглядел абсурдно.

А ещё через два часа, пролетевших для многих как во сне, его бессмертный легион рассыпался на мелкие группы и ушёл в горы, двигаясь к северо-западу. В то же время три ракеты, оставляя за собой длинные хвосты пламени, рухнули на край ипподрома, придав этим скачкам, на которые уже никому не было дела, ослепительно яркий праздничный фейерверк.

— Я же говорил, он наверняка затеял что-то огромное, иначе ни за что не отказался бы вдруг от мирных переговоров с бедуинами!

АЗ, пришедший в себя где-то по ходу событий, взволнованно сказал Дрейтону:

— Он с самого начала собирался развязать войну! Отпусти меня, мне нужно связаться с начальством!

— Нет, — сказал Дрейтон.

— Fuck!

Связанный АЗ рванулся и спросил:

— А Ли Вэй где? Я хочу с ним поговорить.

— Нет, — ещё холоднее ответил Дрейтон.

Изо рта АЗ полился поток отборной брани.

Немного выплеснув злость, он попытался зайти с другой стороны, уже давя на разум и чувства:

— Война уже началась. Ты не сможешь всё контролировать. Мы обязаны доложить наверх, а дальше пусть эти жирующие бездельники решают, что делать: напрямую вмешиваться военными силами и заставить Самира аль-Мактума прекратить наступление, или, как обычно, выбрать, на кого поставить. Не можешь же ты, мать твою, просто сидеть сложа руки!

Чем дальше он говорил, тем сильнее заводился, и под конец с силой пнул землю.

На этот раз Дрейтон не ответил сразу. После короткого, колеблющегося молчания он спросил:

— Тебе не кажется, что здесь есть что-то странное?

— Странное? Ты про то, что Самир развязал войну? Да, дико, конечно, но такое происходит не впервые. Если бы в войне вообще было хоть что-то рациональное, она не была бы войной.

— Я имею в виду, что все эти перемены ощущаются как сон... Ладно.

Дрейтон принял решение и больше не стал с ним спорить.

— В общем, у тебя ещё не поздно сходить и проверить IQ.

АЗ: «?»

Он даже не сразу понял, что Дрейтон так походя его оскорбил. Лишь через пару секунд он раздражённо спросил:

— То есть ты не собираешься меня развязать и сообщать Федерации тоже не собираешься?

Дрейтон ничего не ответил и повернулся, чтобы уйти.

За его спиной АЗ яростно дёргался:

— *#@&#□... Дрейтон! Ты трус! Когда вернёмся в Федерацию, я подам на тебя за коррупцию и измену! Ли Вэй никогда не полюбит такого, как ты, даже не мечтай!!

...

Дрейтон отчаянно скучал по Ли Вэю. Не только потому, что Ли Вэй сумел бы хорошенько приложить какого-нибудь идиота, но и потому, что сам Дрейтон не был уверен, правильно ли поступает.

Не имея никаких надёжных доказательств, он счёл, что эта война связана с неким заговором, и потому не собирался докладывать о ней немедленно.

Разумеется, если всё пойдёт своим чередом, Федерация и так узнает о происходящем через несколько часов из местных новостей. Но тогда будет уже поздно. Они потеряют инициативу и немало сомнительных, с моральной точки зрения, выгод. За такое Дрейтона, может, и не снимут, но уж точно подвергнут нападкам, а карьеру это испортит наверняка.

Так зачем же он вообще делает нечто столь невыгодное?

Он и сам не знал.

Если нужно было назвать причину, то, пожалуй, только одну: интуиция.

Столь серьёзное решение, идущее вразрез со здравым смыслом, редким образом выбило Дрейтона из душевного равновесия.

По дороге обратно к Самиру аль-Мактуму он позвонил Ли Вэю. Тот ответил почти сразу. Сказал, что сейчас при помощи Чёрной свечи справляется с несколькими вооружёнными людьми и скоро подойдёт. На слух Дрейтона его голос и манера говорить были такими же тёплыми и сладкими, как всегда, только, кажется, самую малость, совсем самую малость, слишком сладкими...

— Я поддерживаю любое твоё решение, дорогой начальник Дрейтон. Не обращай внимания на чужое мнение, тем более что агент ЦРУ — идиот, — сказал Ли Вэй. — И ещё я хочу рассказать тебе одну очень важную вещь. Когда увидимся, тогда и скажу.

Сердце Дрейтона пропустило удар.

— Подожди...

Он не успел договорить, потому что Ли Вэй уже повесил трубку.

Дрейтон уставился на холодный экран телефона.

Ощущение сна стало ещё сильнее.

В момент, когда никто не видел, он ущипнул себя.

Было больно.

Как бы то ни было, разговор с Ли Вэем помог ему удержать себя в руках. Так что даже когда он вернулся к Самиру аль-Мактуму и увидел на верблюжьей дорожке песочно-жёлтую самоходную гаубицу М109, похожую на танк, он не слишком удивился.

Подумаешь, самоходная гаубица.

Вообще, первой мыслью Дрейтона в тот момент было, что из латунной застёжки на ящике для снарядов, пожалуй, можно сделать ожерелье или кольцо. Получилось бы очень памятно.

Эм-м-м.

После всего случившегося что вообще ещё оставалось говорить и делать?

Бедуины нанесли ответный удар той же ночью. Чуть после девяти песчаная буря нарушила работу радаров. Нападавшие подожгли машинное отделение и перерезали электроснабжение. Система наблюдения беспилотников в округе была парализована почти на пятнадцать минут. За это время шестеро бедуинов перекусили внешнюю колючую проволоку и при помощи зажигательных устройств вывели из строя электрооборудование, из-за чего в части города пропало электричество.

И это было ещё не всё. Несколько военных грузовиков на шоссе наехали на треугольные шипы и лишились колёс. Колонну окружили вооружённые пикапы, числом в два десятка с лишним. Люди в масках, угрожая пулемётами, остановили машины, убили солдат, попытавшихся передать тревогу, и забрали припасы. Чуть позже десяти буря на время стихла. Электростанция всё ещё горела и взрывалась, радарная станция была полностью уничтожена, грузовики снабжения догорали, оседая в пламени. Бедуины ушли с награбленным, а на асфальте, посыпанном песком и гравием, остались лишь колеи да гильзы.

Фронт расширился. Не исключено, что вскоре втянутся и соседние страны. АЗ снова передал Дрейтону весть через человека, который приносил ему еду:

— Каков твой план? Если так пойдёт и дальше, мы все сдохнем в этой бессмысленной войне.

А в это время Дрейтон сидел в шатре у полуразрушенного дома неподалёку от передовой и при свете огня вырезал резцом китайское имя Ли Вэй на латунной застёжке. Вокруг стояли несколько людей Самира аль-Мактума с винтовками, наблюдая за каждым его движением.

Плана у него не было.

Всё было слишком странно.

Когда Дрейтон говорил, что всё это странно, он имел в виду даже самого себя. Снаружи через равные промежутки времени раздавалась пальба, густая, как ливень, а у него находилось настроение сидеть здесь и мастерить безделушку. Более того, ему казалось, что чёткие,

угловатые иероглифы имени Ли Вэя на латунной пластинке выглядят особенно красиво.

Но больше он не звонил Ли Вэю и не писал ему.

Почему-то голос Ли Вэя по телефону перестал его притягивать. Вместо того чтобы разговаривать с ним, Дрейтон предпочитал представлять, что сейчас Ли Вэй находится в каком-нибудь мирном месте и в скором будущем они снова встретятся.

И тогда он сможет вручить ему латунное ожерелье, которое сделал своими руками.

<http://bllate.org/book/17014/1725005>